

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА ГЕРБЕРТА МАРКУЗЕ

Д. Г. Кукарников*

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июня 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается процесс теоретического становления философии истории Маркузе, связанный с обращением к проблематике социальных изменений в контексте исторического опыта и оказавший решающее воздействие на окончательное оформление критической теории развитого индустриального общества и понимание перспектив его трансформации.

Ключевые слова: социальные изменения, агенты социальных изменений, исторический опыт, критическая теория общества, технологическое общество, отчуждение, деисторизация, ложные потребности, репрессивная толерантность, дуализм человеческой природы, господство, исторические альтернативы.

Abstract: this article examines the process of the theoretical formation of Marcuse's philosophy of history, associated with an appeal to the problems of social change in the context of historical experience, which had a decisive impact on the final formulation of the critical theory of a developed industrial society and understanding the prospects for its transformation.

Key words: social change, agents of social change, historical experience, critical theory of society, technological society, alienation, dehistorization, false needs, repressive tolerance, dualism of human nature, domination, historical alternatives.

XX век, следуя характеристике, данной этому периоду истории крупнейшим польским социологом Петром Штомпкой, – это «раздвоенное время, полное противоречий: прекрасное и страшное, чудесное и трагическое» [1, с. 463]. Действительно, с одной стороны, этот век принес небывалый рост производительных сил, ускорение научно-технического прогресса, подъем уровня жизни и рост благосостояния. С другой – это время кровавых потрясений, когда концепция национального государства породила шовинизм, национализм и мировые войны, когда западная либеральная демократия фактически вытеснила фашизм, когда развитие науки, техники и промышленности привело не к всеобщему процветанию, а к изменению климата и экологическим катастрофам.

Исследование природы этой раздвоенности стало предметом пристального внимания со стороны теоретиков Франкфуртской школы по-

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № 20-011-00406-А.

сле окончания Второй мировой войны. Эволюция философских воззрений одного из ее самых значимых представителей – Герберта Маркузе – связана с нарастающим развитием социально-критической тенденции в его творчестве, что подтверждается содержанием поздних (60-е – начало 70-х гг. XX в.) работ теоретика. В фокусе исследовательского интереса Маркузе в данный период оказывается «репрессивная цивилизация» – современное развитое индустриальное общество, в котором человек находится под тотальным контролем. Принимая в целом общую логику анализа западной цивилизации, предложенную уже в книге М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» (1947), он существенно дополняет и расширяет их концепцию социальной деструкции, имманентно присущей современному Западу.

Изменения, связанные с переориентацией Института социальных исследований под руководством М. Хоркхаймера с эмпирических исследований общества на философское осмысление социальной реальности, привели к постепенному отходу Института от традиционного марксизма и углублению принципиальных разногласий с марксизмом по отношению к человеку [2, с. 37]. Главной темой для анализа капитализма Маркузе считает отчуждение человека, причем не только от средств производства, но от собственного бытия во всех его проявлениях, от собственной биологической природы, от возможностей свободно и солидарно творить свою историю. Сознание человека колонизовано отчужденным бытием и его нормами.

Кроме того, Маркузе не соглашается с классическим марксизмом в политических аспектах. Он ставит под сомнение два основных постулата ортодоксального марксизма: революционность пролетариата и неизбежность капиталистического кризиса. По его мнению, капитализм не только интегрировал рабочий класс как источник потенциальной революционной оппозиции, когда были разработаны новые методы стабилизации через государственную политику и развитие новых форм социального контроля. На основе растущей производительности экономико-технического аппарата, т. е. увеличения комфорта при тотальном управлении, большие слои рабочего класса в наиболее передовых областях индустриальной цивилизации отходят от идеи «абсолютного отрицания» системы и даже превращаются в ее сторонников [3, р. 38–39].

«Самым необычным достижением развитого индустриального общества» [ibid., р. 37] Маркузе называет его успех в интеграции и примирении антагонистических групп и интересов, благодаря чему рабочие в передовых индустриальных обществах утратили какой-либо революционный потенциал и стали лояльными подданными государства точно так же, как историческая буржуазия до них. (При этом Маркузе не считал, что повышение уровня жизни и институциональная интеграция рабочего класса означают отсутствие эксплуатации.) В отличие от акцента на рабочий класс как на основной источник социальных изменений в ортодоксальном марксизме, Маркузе апеллирует к неинтегрированным

силам меньшинств, аутсайдерам и радикальной интеллигенции, пытаюсь питать оппозиционные мысли и поведение через продвижение критического мышления и того, что он назвал «Великим отказом».

Для ортодоксальных марксистов господство вписано в капиталистические производственные отношения и логику коммодификации, для хайдеггерянцев, веберянцев и других – это технология, технологическая рациональность и/или политические институты, которые являются основными силами общественного господства. Маркузе же попытался синтезировать эти два подхода и развивать многомерный анализ, выявляющий аспекты господства и сопротивления во всём социальном порядке. Для него господство сочетает в себе экономику, политику, технологии, социальную организацию и культуру. Более того, Маркузе настаивает на том, что противоречия системы, описанные в классическом марксизме, такие как антагонизм труда и капитала, сохраняются и на этапе современности, хотя и в измененном виде. Маркузе постоянно ссылается на единство производства и разрушения, анализируя способы, которыми создание богатства приводило к систематической бедности, войнам и насилию.

Таким образом, для Маркузе существовала «объективная двусмысленность» даже в кажущихся достижениях развитого индустриального общества, создавшего богатство, науку, технологии и промышленность для облегчения бедности и страданий. На практике же орудия производства были использованы для усиления господства, насилия и несправедливости. Он попытался понять, каким именно образом развитая индустриальная цивилизация приводит к упадку свободы в условиях демократических обществ; истоки «разумной несвободы» следует, по его мнению, искать в самом техническом прогрессе. Данная тема начинает звучать уже в статье «Проблема социальных изменений в технологическом обществе» (1962), являющейся по сути дела предварительным этапом к «Одномерному человеку» (1964). Здесь Маркузе анализирует процесс социальных изменений в развитом индустриальном обществе [3], и этот подход отличает его от работ М. Хоркхаймера и Т. Адорно, которые к началу 60-х гг., похоже, в значительной степени утратили интерес к исследованию проблематики социальных изменений и вопросов, связанных с политической практикой и общественной трансформацией.

Осуществляя философско-социологический критический анализ культуры индустриального общества с точки зрения классической теории социальных изменений, Маркузе отстаивает идею невозможности осуществления социальных изменений в рамках сложившейся системы общественных отношений как изменений качественных, устанавливающих принципиально иные формы человеческого существования, с новым общественным разделением труда, новыми способами контроля над производственным процессом, новой моралью и т. д. Он прямо заявляет о том, что под воздействием технических и научных завоеваний, размера и эффективности производственного аппарата, а также повышения уровня жизни политическая оппозиция основным институтам сложив-

шегося общества терпит поражение и превращается в оппозицию в рамках принятых условий [ibid., p. 38–39]. В эссе «Репрессивная толерантность», написанном позднее, в 1965 г., Маркузе именно этим термином охарактеризует современное капиталистическое общество, понимая его как способное принимать оппозицию, но только в том случае, если она не угрожает основаниям режима. Если же альтернативные силы будут восприняты как опасные для установленного порядка, они будут устранены любыми методами, в том числе недемократическими [4, с. 116]. По его мнению, «это общество вполне может предотвратить и сдержать социальные изменения, затрагивающие основные институты общества, в отличие от изменений в рамках данной институциональной структуры» [3, p. 37].

Перефразируя данное положение, можно сказать, что тем самым Маркузе отстаивает ключевую для его философии истории идею деисторизации, первоначально сформулированную в ходе его критики фашизма в статье «Борьба против либерализма в тоталитарной концепции государства» (1934). Основой для формирования понятия деисторизации являются интерпретация и критика Маркузе хайдеггеровской концепции историчности, осуществленные еще в «ранний» период его творчества начала 30-х гг. [5, с. 200–208]. По мысли А. Э. Савина, деисторизация в философии Маркузе – это такое преобразование творческих, отрицающих наличную действительность и создающих сил и способностей человека, которое делает их элементами механизма производства и воспроизводства наличной действительности, тем самым, способом подавления стремления человечества к свободе и счастью и увековечения господства. Система отношений, базирующаяся на этом механизме, является репрессивной [там же, с. 199]. Деисторизация – это такое видоизменение творческого потенциала человека, направленное на сохранение утвердившихся форм общественной жизни и ее институтов, которое сдерживает и предотвращает качественные социальные изменения.

Маркузе рассматривает культуру потребления, которая возникла во время послевоенного экономического бума, как форму социального контроля, созданного и поддерживаемого капитализмом. По его мнению, капиталистическая производительность выросла до уровня, когда промышленный пролетариат больше не представляет собой обедневшего наемного раба эпохи Маркса. Экономический рост, технологическая экспансия и успехи движений за реформу труда в западных странах позволили рабочему классу достичь уровня жизни среднего класса и интегрироваться в более широкие институциональные рамки капитализма.

Утвердившаяся культура потребления несет в себе эффект своего рода «подкупа» рабочих, предлагая им относительный комфорт и материальные блага в обмен на их неизменную лояльность капитализму и безразличие к борьбе за социальные и политические перемены. В эпоху позднего капитализма изменяются структура и функции классов – пролетариат уже интегрирован в систему монолитного порядка подавления

и конформизма. Кроме того, эта культура создает своего рода ложное сознание среди широкой публики за счет использования рекламной индустрии и средств массовой информации в целом для привития ценностей потребительства и, по сути, для создания ненужных желаний и системы ложных потребностей (по характеристике Маркузе, это те потребности, которые «служат для увековечения тяжелого труда, агрессивности и власти») среди населения [3, р. 52].

Итак, развитое индустриальное общество способно сдерживать (качественные) социальные изменения; именно такое сдерживание, по мнению Маркузе, является основным содержанием современного периода [ibid., р. 47]. Для обоснования данного положения мыслитель обращается к рассмотрению отношений между наукой и техникой, а также между человеком и природой. Близость современной науки и индустриального общества коренится в самой структуре современной науки, которая является технологической. В этом обществе техника – это не один конкретный фактор или измерение среди других, а априори всей реальности и реализации. Универсум дискурса и действия – это технологический универсум: объекты мысли и практики «даны» в том виде, в каком они созданы и подвержены методической трансформации – отрицанию природы.

Технологическое отрицание природы включает и отрицание человека как естественного существа. Цивилизация – это прогресс не только в овладении природой внутри и вне человека, но также в подавлении природы внутри и вне человека. Отталкиваясь от идеи З. Фрейда о противостоянии Эроса и Танатоса, Маркузе распространяет ее на процесс жизни организма, в том числе и социального организма, который представляет собой взаимодействие этих двух основных инстинктов (творчество и разрушение). Он экстраполирует фрейдовский дуализм человеческой природы на всю индустриальную цивилизацию, доказывая, что не только творческое начало, но и потребность в разрушении легли в фундамент западного общества, что выразилось в форме принципа господства [2, с. 59]. Теория Фрейда о репрессивной организации первичных влечений подразумевает и историческую динамику: подчинение принципу удовольствия принципу реальности становится повсеместно эффективным только на той стадии цивилизации, на которой работа стала универсальной, постоянной и поддающейся количественной оценке, как социальная мера, ценностью. «Проект технологического объекта-мира требует, как следствие, технологического субъекта: человека как универсального инструмента (носителя рабочей силы)» [3, р. 46].

Теперь это снова технический прогресс, организованный доминирующими социальными интересами, который не только обеспечивает эффективность сдерживания, но также создает новые формы сдерживания через рост, угнетение через рационализацию, несвободу через удовлетворение. «Свободу можно превратить в мощный инструмент господства. Не диапазон выбора, открытый для человека, определяет степень свободы человека, а то, что может быть выбрано и что выбирает человек»

[*ibid.*, p. 52]. Новые режимы господства работают над опровержением концепций исторического перехода к более высокой стадии человеческого общества, которые вдохновляли критические теории индустриального общества. По мнению Маркузе, продуктивность и рациональность технико-политического ансамбля стабилизируют социальную систему господства и сдерживают прогресс в рамках господства [*ibid.*, p. 43].

В связи с этим безусловный интерес (в том числе и с точки зрения возможностей понимания современных общественных трансформаций и определения перспектив общественного развития) вызывают взгляды мыслителя на проблему «исторических альтернатив», также поднимаемую в рассматриваемой работе. Маркузе попытался определить тенденции развития современного общества с точки зрения его исторических альтернатив и внести свой вклад в критическую теорию развитого индустриального общества. С самого начала это начинание сталкивается с вопросом о том, на каком основании такая критика может быть обоснована, каковы его критерии и стандарты. Очевидно, они сами должны быть историческими, происходящими из очевидных тенденций и способностей установленного общества, которые сделали бы возможным появление более рациональных способов социального и индивидуального существования. Однако (в отличие от предшествующего этапа) в современных условиях произошло фундаментальное изменение структуры и функций буржуазии и пролетариата таким образом, что они перестают действовать как агенты исторической трансформации. Действительно, там, где буржуазия всё еще остается правящим классом, она всё более открыто обнаруживает свою зависимость от сдерживания социальных изменений. В то же время, как мы уже цитировали, большие слои рабочего класса в наиболее передовых областях индустриальной цивилизации уходят от «абсолютного отрицания» к утверждению системы [*ibid.*, p. 38–39]. Так проявляется трудность в выявлении очевидных агентов социальных изменений.

В отсутствие очевидных агентов социальных изменений критика отбрасывается обратно на высокий уровень абстракции: нет основы, на которой встречаются теория и практика, мысль и действие. Теории общества и социальных изменений, которые предполагают объективные исторические тенденции и объективную оценку исторических альтернатив, теперь выглядят как нереалистичные предположения. Достижения развитого индустриального общества «делают критику устоявшегося общества с точки зрения его исторических альтернатив абстрактной и утопической» [*ibid.*, p. 38]. Кроме того, необходимо разработать новые категории для критической социальной теории, с помощью которых возможен анализ таких альтернатив, так как старые уже не подходят для понимания трансформировавшегося общества.

При этом Маркузе исходит всё же из того положения, что внутри системы современного индустриального общества складываются реальные экономические и политические альтернативы – за пределами *welfare state* возможно преодоление подчинения человека аппарату и зарабо-

щения его собственной производительностью. Для зрелого технологического общества это подразумевает прогрессивную автоматизацию материального и рутинного производства до такой степени, что традиционное соотношение (необходимого) рабочего времени к свободному времени обращается вспять – свободное время становится «постоянным занятием» в распоряжении человека. Такое развитие могло бы ниспровергнуть репрессивную рабочую мораль «зарабатывания на жизнь» и привело бы к столкновению с основными институтами сложившегося индустриального общества [ibid., p. 42–43].

Но исторические альтернативы реализации существующих возможностей отталкиваются или поглощаются тоталитарными достижениями общества. Этот тип общества по-прежнему верен своим истокам: он является результатом определенного опыта, трансформации и организации природы – последнего этапа в реализации исторического проекта индустриальной цивилизации. (Здесь природа проецируется как нейтральный материал господства, как материя, которая не предлагает ограничений для теоретического и практического разума человека, за исключением тех, которые определяются его физико-математической структурой.) Таким образом, техника и технология действуют как социальные и политические средства контроля, которые организуют прежде неосвоенные измерения частного и общественного существования.

Более того, по мнению Маркузе, современное индустриальное общество, в силу того, как оно организовало свою технологическую базу, склонно к тоталитаризму. Ибо тоталитарный – это «не только террористическая политическая координация общества, но и нетеррористическая экономико-техническая координация, которая действует через манипулирование потребностями со стороны заинтересованных лиц и, таким образом, предотвращает появление эффективной оппозиции против целого, организованного этими интересами» [ibid., p. 50].

Маркузе преодолевает стереотипные представления многих современных разновидностей философии и социальной теории, его труды предоставляют жизнеспособную отправную точку для анализа теоретических и политических проблем современности. И в перспективе возможности использования его теоретического наследия будут возрастать. В частности, его соединение философии с социальной теорией, критикой культуры и радикальной политики составляет непреходящее наследие. Тогда как основные академические подразделения стремятся изолировать социальную теорию от философии и других дисциплин, Маркузе предоставляет прочную философскую базу для измерения и культурной критики социальной теории, отстаивая теоретические перспективы во взаимодействии с конкретным анализом общества, политики и культуры в наше время. Диалектический подход занимает важное место в его социальной теории, обеспечивая критическую теорию сильными нормативными и философскими перспективами.

Маркузе всегда обращал особое внимание на решающую позицию технологий в организации современных обществ, а со стремительным

внедрением и утверждением всё новых и новых технологий в наше время акцент на взаимоотношениях между технологиями, экономикой, культурой и повседневной жизнью особенно важен. Маркузе исследовал новые формы культуры и способы, с помощью которых эта культура предоставила как инструменты манипуляции, так и освобождения. Распространение новых медиа-технологий и культурных форм в последнее время также актуализирует обращение к анализу взглядов Маркузе, чтобы уловить оба эти потенциала для осуществления прогрессивных социальных изменений и положительных возможностей в смягчении существующих форм социального господства. В отличие от постмодернистских теорий, в которых также рассматриваются новые технологии (но в большинстве случаев такие теории носят одномерный характер, зачастую склоняясь к традиционным позициям технологического детерминизма), Маркузе всегда соотносил экономику, культуру и технологии, стремясь выявить в них как освободительный, так и доминирующий потенциал.

Литература

1. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
2. *Вершинин С. Е.* Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С. Е. Вершинин, Г. А. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. – 126 с.
3. *Marcuse H.* The problem of social change in the technological society / H. Marcuse // *Towards a critical theory of society* / ed. by Douglas Kellner. – L. ; N. Y. : Routledge, 2001. – P. 35–58. – (Collected papers of Herbert Marcuse ; v. 2).
4. *Маркузе Г.* Репрессивная толерантность / Г. Маркузе // *Критическая теория общества : избранные работы по философии и социальной критике* / сост.: Э. Финберг, У. Лейсс ; пер. с англ. А. А. Юдина. – М. : АСТ, 2011. – С. 98–138.
5. *Савин А. Э.* Деисторизация и историчность в философии «раннего» Маркузе / А. Э. Савин // *HORIZON*. – 2017. – № 6 (2). – С. 191–225.

Воронежский государственный университет

*Кукарников Д. Г., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории философии и культуры
E-mail: kukarnikoff@yandex.ru*

Voronezh State University

*Kukarnikov D. G., Associate Professor,
Head of the History of Philosophy & Culture Department
E-mail: kukarnikoff@yandex.ru*